

На следующий день Юй Сан-нян и Юй Цибао пришли в ресторан, чтобы начать работать. Сы Нань знал, что они тайком сбежали от Ху-ши, чтобы добраться сюда. Если бы это были другие люди, то, зная буйный характер Ху-ши, они, вероятно, не решились бы их принять, ведь она могла устроить скандал в любой момент. Но Сы Нань не боялся — он не только принял их на работу, но еще и приготовил для Юй Цибао ту самую сладкую персиковую ледяную стружку, о которой тот мечтал.

Получив смузи, малыш так широко раскрыл свои глаза, что казалось, они вот-вот выскочат. Он даже не стал пользоваться ложкой — просто окунул в него половину лица, с удовольствием вгрызаясь в холодный десерт. И тут же, слегка смущенный, предложил Эр-лану откусить.

Эр-лан презрительно поморщился и ушел на кухню, чтобы взять себе отдельную порцию. Только тогда Юй Цибао сдался. Он вовсе не хотел делиться своим смузи, но ради Эр-лана решил быть великодушным. Эр-лан, должно быть, действительно добрый человек, раз отказался от его порции специально, чтобы Юй Цибао смог насладиться ею в полной мере. Юй Цибао ел свое смузи, пребывая в полном счастье и восторге.

Но, к счастью, про работу он не забыл. С чашкой смузи он побежал к вентилятору, все еще нетерпеливо запихивая в рот ложку за ложкой. Одна из персиковых долек случайно выскользнула из чашки, но Юй Цибао, неожиданно быстро среагировав, ловко поймал ее ложкой.

Посетители ресторана разразились смехом — не зря говорят, что любовь к своему делу — лучшая мотивация.

Конструкция вентилятора, разработанного Сы Нанем, была довольно проста и напоминала велосипед. Он работал без электричества, приводясь в движение механической силой через шестерни и цепи. У каждого вентилятора были педали, и, садясь на стул, человек мог вращать их, как на велосипеде, и вентилятор начинал шумно вращаться. Усилия требовались небольшие, так что даже ребенок мог справиться.

Была и ручная версия вентилятора, немного меньше, чем напольный, похожая на небольшой веер для раздувания огня. Он ставился на стол, и стоило только слегка повернуть ручку, как вентилятор начинал мягко дуть. Лопастей у ручного вентилятора были маленькие, поэтому поток воздуха был слабее, но тише — идеален для спальни или кабинета.

Сы Нань отправил одну такую модель в подарок императору, но больше всех радовалась вовсе не императорская семья, а маленькая служанка в его кабинете. Теперь ее рука больше не устанет от постоянного обмахивания веером!

В ресторане были и напольные, и ручные вентиляторы. Юй Цибао, увидев большой напольный вентилятор, который выглядел внушительно и солидно, не раздумывая выбрал его. Раньше он только слышал о таких вещах, но никогда их не видел. Маленькие ножки с силой надавили на педаль, вентилятор резко зажужжал, и поток воздуха пронесся вокруг, отчего мальчик испуганно вскрикнул и, схватившись за голову, отпрыгнул назад.

- Чудовище пришло!

- Демонический ветер!

Все разразились смехом. Впрочем, впервые увидев вентилятор, каждый из них реагировал не лучше Юй Цибао. Только после уговоров окружающих малыш наконец согласился, что это не чудовище. Однако, нажимая на педаль, он все равно оставался осторожен, старательно держась в стороне и отодвигая от вентилятора свою чашку со смузи, боясь, что поток воздуха унесет его сладкое лакомство.

Благодаря маленькому Юй Цибао все утро в ресторане царила невероятно веселая атмосфера. А вот его старшая сестра, Юй Сан-нян, чувствовала себя неловко и старалась держаться подальше, надеясь, что никто не заметит, что этот глупый мальчишка — ее брат.

Она была очень благодарна Сы Наню за то, что он их принял, и поэтому старалась брать на себя самую тяжелую и грязную работу. В начале никто не обратил на это внимания, и девушка успела отнести два полных ведра помоев. Но на третьем ее остановил Хуайшу, твердо преградив ей путь.

- Ты что, думаешь, справишься? Посмотри на свои тонкие ручки и ножки — надорвешься еще! — стальной прямолинейный Хуайшу, хоть и говорил это с заботой, явно не умел подбирать слова.

Юй Сан-нян, будучи девушкой гордой, в ответ только сильнее упрячилась. Она подняла ведро прямо перед его лицом и с силой вылила помой в сточную канаву, после чего демонстративно протянула ему свои руки:

- Ну, смотри, не надорвалась!

Хуайшу сглотнул. Она была не только упрямой, но и пугающе сильной.

Однако ему все же удалось настоять на своем. В конце концов, он сунул ей униформу официантки и отправил работать в зал.

- Это униформа Эр Доу, он ее еще не носил. Вы примерно одного роста. Заправь волосы, как у мужчин, так будет удобнее.

Юй Сан-нян внимательно посмотрела на красно-синюю униформу, ей очень хотелось ее надеть, но она не взяла одежду:

- Эр Доу разве не будет против, если я заберу его новую форму?

Эр Доу выглянул из кухни и с улыбкой пробормотал:

- Вообще-то, сначала был против, но Хуайшу пообещал мне новую рогатку, так что теперь я за.

Юй Сан-нян с удивлением посмотрела на Хуайшу. Неужели этот парень способен на такие добрые поступки? Тут же она почувствовала угрызения совести, вспоминая, как грубо к нему отнеслась.

Хуайшу быстро отвернулся, его уши слегка покраснели. И сам он не понимал, почему.

На кухне Сы Нань, хлопнув Эр Доу по макушке, весело заметил:

- Отличная работа!

Эр Доу улыбался, весь лучась простодушием и добротой.

Так, весело, и прошел весь день. Несмотря на то, что посетителей в ресторане было немного, все старались, как прежде, искренне заботясь о каждом госте.

Что же касается привлечения новых клиентов, Сы Нань и не рассчитывал на то, что хозяин ресторана «5 вод» действительно сдержит свое обещание и честно очистит их репутацию.

Он придумал план и сейчас готовится его осуществить. Если все пройдет успешно, то не только этот кризис удастся преодолеть, но и сам ресторан сможет выйти на новый уровень.

Овощи и мясо не распродали, поэтому Сы Нань поделил их между сотрудниками, взяв и себе немного, чтобы отнести домой.

На кухне он обдумывал новые рецепты, а Тан Сюань сидел за каменным столом, просматривая документы. Время от времени они поднимали глаза друг на друга, разделенные играющими детьми, и каждый раз в этих коротких мгновениях была особая теплота.

Каждый вечер дворик семьи Сы окутывался таким вот уютом. Другие дети играли, и только Сяо Цзай старательно выводил иероглифы.

Несколько дней назад Сы Нань подготовил восемь подарков в виде скромных подношений и отвел детей в школу Исин. Учитель принял их, но отказался брать подношения.

Он знал, что все эти дети были усыновлены Сы Нанем, и, увидев, что человек, пусть даже всего лишь торговец, проявил такое милосердие, подумал, что, он сам, изучавший литературу на протяжении многих лет и служивший на малых должностях в правительстве, обязан внести

свой вклад в мир.

Сы Нань больше не настаивал, но ежедневно посылал в школу маленькие горячие горшки, добавляя к каждому немного больше мяса.

После того как Сяо Цзай закончил каллиграфию, он достал «Шицзин» и с серьезным видом начал читать. Благодаря наставлениям Сы Наня, он уже усвоил привычку готовиться к урокам заранее: каждый вечер после купания, когда остальные дети играли, он уединялся, чтобы пробежать глазами завтрашний материал. Если он наткнулся на что-то непонятное, то подходил с книгой к Сы Наню и спрашивал его.

Сегодня Сы Нань был занят, ломая голову над несколькими мелкими рыбешками, которые не давали ему покоя. Сяо Цзай немного поколебался, но, не желая его беспокоить, набрался смелости и подошел к Тан Сюаню.

- Господин цзюньван, можно мне задать вам один вопрос? — спросил он мягким, вежливым голоском.

Тан Сюань... почувствовал неожиданное волнение.

Это был первый раз, когда ребенок сам подошел к нему.

Стараясь казаться как можно более доброжелательным, он кивнул:

- Да, спрашивай.

На самом деле, все это его немного пугало.

Сяо Цзай, моргая своими большими круглыми глазами, набрался смелости, поднес книгу к его лицу и маленькой круглой культией указал на строчку в стихотворении:

- Здесь написано «В седьмой месяц на лугах, в восьмой — на дворе, в девятый — у входа, в десятый сверчок заползает под мою кровать» — почему сверчок? Почему не маленький белый горностаи?

Эти причудливые вопросы дети обычно не решались задавать учителю, но Сы Нань поощрял их задавать любые вопросы и всегда находил остроумные и увлекательные ответы.

В сравнении с этим объяснение Тан Сюаня звучало весьма традиционно: точное и официальное.

- «Семь месяцев» описывает сцены сбора урожая и сезонных работ на протяжении года. Эти четыре строки, используя миграцию сверчка с полей под кровать, символизируют смену времен года. У белого горносталя нет такой привычки.

- Ах, точно! — Сяо Цзай кивнул головой и тут же аккуратно записал это.

Сяо Цзай был не совсем безруким, он потерял кисти с пальцами, и его маленькие ручки покрытые шрамами, заканчивались маленькими шариками, как у робота. На его руку был надет специальный «держатель для кисти» из бамбуковой трубки и деревянной пластины — эскиз нарисовал Сы Нань, вдохновившись современными держателями для телефонов и корректорами для кистей.

Самое удивительное в конструкции было то, что когда кисть вставляли в зажим, угол ее наклона по отношению к руке идеально соответствовал правильной позиции для письма.

Когда малыш впервые надел эту насадку, он замер, подняв маленькую руку, не решаясь пошевелиться. Лишь после напоминания от Сы Наня он осторожно коснулся кистью бумаги. Мягкий кончик кисти скользнул по грубой рисовой бумаге, оставив на ней насыщенный чернильный след. Сяо Цзай невольно вздрогнул, как от неожиданного испуга. Несмотря на это, он широко распахнул глаза и постарался написать второй штрих.

Затем третий, четвертый, пока наконец не вывел два неровных, почти неразборчивых иероглифа — «Сы Хун».

Это имя, которое дал ему Сы Нань, с пожеланием, чтобы он обладал далекими устремлениями, подобно птице хунху, и имел стойкость, чтобы следовать своим целям, чтобы он стал тем, кем хочет быть, и делал то, к чему стремится.

Важно: это было пожелание, а не требование.

Сяо Цзай был не таким, как другие дети; он не хотел становиться поваром, плотником или воином. Он мечтал учиться, изучать классические тексты, стать великим ученым.

Дети дали его протезу забавное имя — «рука Сяо Цзая».

С тех пор как у него появилась эта рука, Сяо Цзай увлекся каллиграфией. Каждый раз, возвращаясь из ресторана, он сразу же доставал бумагу и кисть и принимался за иероглифы. Теперь малыш уже хорошо набил руку. Он не только умело выводил крупные иероглифы широкой кистью, но и мог записывать заметки тончайшей кисточкой.

Эта привычка записывать заметки тоже была привита Сы Нанем.

Чтобы помочь ему записать сказанное, Тан Сюань нарочно замедлил речь и повторил все еще

раз. Он говорил предложение, и Сяо Цзай записывал его следом, слово за словом. □Малыш время от времени поднимал голову и спрашивал, как пишется тот или иной иероглиф. Тан Сюань, смачивая палец в чистой воде, аккуратно выводил знаки прямо на столе.

Его глубокий, бархатный голос контрастировал с мягким, нежным голоском мальчика. Они, такие разные — один большой, другой маленький, — создавали удивительно гармоничную атмосферу.

Сы Нань время от времени поднимал голову и, наблюдая за ними, ощущал наполняющее сердце счастье.

Сяо Цзай начал учиться писать недавно, и хоть его почерк был немного разрозненным, он старался писать аккуратно. Однако каждый раз, когда линия уходила вправо, он невольно задерживался на мгновение, стараясь скрыть это, но Тан Сюань заметил.

Тан Сюань нахмурился и нежно взял его за руку. Сяо Цзай испугался и попытался отдернуть руку. Но силы их были неравны, и в конце концов Тан Сюань снял с него «руку Сяо Цзая».

Увидев его маленькую округлую культю, Тан Сюань замолчал. Малыш опустил голову, а в его глазах заблестели слезы. Дети вокруг затихли, не зная, что сказать или как поступить.

Сы Нань поднял голову и замер от удивления.

Его любимый сынок, с такой нежной, хрупкой ручкой - вся культя была покрыта слоями пузырей, некоторые из которых лопнули и нагноились от протеза.

Сы Нань медленно опустился на колени и нежно взял руку малыша в свои ладони.

Сяо Цзай поспешно отдернул руку и спрятал ее за спину, тихо всхлипывая:

- Брат-учитель, не злись, я буду слушаться... не буду так много писать.

Когда Сы Нань впервые надел ему протез, он специально напомнил о важности отдыха и того, что нельзя переутомляться. Но Сяо Цзай не послушал. Он так любил писать, что, написав один иероглиф, тут же хотел писать еще и не мог остановиться. Иногда Сы Нань замечал это и напоминал ему отдохнуть, и малыш делал вид, что соглашается. Но как только Сы Нань уходил по делам, он снова тайком надевал протез и продолжал писать.

Сяо Цзай был настолько хитер, что обманул не только Сы Наня, но и всех своих друзей; даже когда Сы Нань помогал ему мыться, он ничего не заметил.

Тан Сюань обратил на это внимание только потому, что сам имел подобный опыт. Когда-то,

будучи учеником во дворце, он всегда отставал от Чжао Сина и Чжао Цзунши и каждый раз подвергался поддразниваниям со стороны Гао Таотао. Позже, когда он занялся верховой ездой и стрельбой, наконец нашел то, в чем был действительно хорош. И с тех пор он тренировался каждый день, без усталости. Пока другие ели и спали, он был на тренировках. Пальцы покрывались волдырями, которые вскрывались, а после оставались болезненные нарывы, превращавшиеся со временем в грубую мозолистую кожу... никто не понимал этой боли лучше, чем он.

Сы Нань не сказал ни слова упрека, он просто обнял малыша, тихонько уткнувшегося в его плечо и сдерживающего слезы, и, отвернувшись, сам незаметно смахнул несколько слезинок.

В тот вечер и малыш, и взрослый оба терзались чувством вины: один винил себя за недостаток внимания, другой — за свою незрелость.

В ту ночь Сы Нань не спал ни минуты. Он не остановился, пока не сделал десятков маленьких подушечек, тщательно сшитых из самого мягкого шелка и наполненных драгоценным шелковым хлопком*.

(ПП: шелковый хлопок – это разновидность ткани, изготовленной из 100% тутового шелка.)

В древние времена шелковый хлопок был дорогим для простого народа, и если в приданое девушки включали хотя бы два шелковых наряда, семья жениха начинала с почтением относиться к невесте.

Сы Нань отобрал лучший материал и потратил немалые деньги, так что он был доступен только для Сяо Цзая. Остальные дети нисколько не завидовали, напротив, они с радостью помогали малышу усовершенствовать его «руку Сяо Цзая».

Подушечка для письма на «руке Сяо Цзая», подушечка для чистки зубов, подушечка для еды... О, еда и чистка зубов используют одну и ту же «руку», значит, можно оставить пару запасных для смены.

Чтобы предотвратить подобные ситуации в будущем, Сы Нань установил для детей строгий «учебный график»: утром — физические упражнения, перед обедом — чтение наизусть, после обеда — каллиграфия, вечером — игры после купания, а перед сном — две страницы крупного почерка, не больше.

Другие родители беспокоятся, чтобы дети больше учились, а его проблема — как бы ребенок не учился слишком много.

Забавно, конечно!

С тех пор Сяо Цзай больше не занимался каллиграфией «вопреки» и, напротив, строго

следовал учебному графику, составленному Сы Нанем.

На первый взгляд казалось, что все дети занимались одним и тем же, но на самом деле во время работы в ресторане малыш не только исполнял роль талисмана, но и тихонько повторял утром заученные строки из «Шицзина».

Его восхищение Таном Сюанем росло с каждым днем, и при каждом вопросе он сразу обращался к нему. И почти каждый день во дворе разыгрывалась похожая сцена. Большой и маленький сидели за каменным столом, между ними лежала раскрытая книга «Трактаты Конфуция»; один рассказывал, другой внимательно слушал.

Голос рассказчика был глубок и спокоен, излагал он плавно и проникновенно; слушатель, серьезный и сосредоточенный, время от времени отвечал мягким голоском: «Да».

В такие моменты Сы Нань, подперев щеку, сидел у плиты, мечтательно улыбаясь и думая:

«Так вот оно что — счастливая семейная жизнь, когда рядом любимая жена, дети и теплая печка!»

Желанный путь к семейному счастью стремительно несся ему навстречу!

□□***

В тот день Чжао Син, наконец, выполнил свое обещание и привел в ресторан Чжао Дэ, чтобы угостить гвардейцев. Сюда же прибыли чиновники из Имперского столичного управления, разбившись на два лагеря и рассевшись по разным сторонам.

Одна часть явно следовала за Тан Сюанем, и, войдя в ресторан, его люди вежливо обращались к Сы Наню, называя его «маленький босс».

Второй лагерь — это были люди Чжао Сина, лица которых выражали некоторую внутреннюю борьбу: они явно интересовались рестораном, но нарочно пытались скрыть любопытство, принимая нарочито надменный вид.

Чжао Син уже испытал на себе немало неудач у Сы Наня, поэтому в этот раз решил, что какой бы ни была еда, он будет твердить, что она отвратительная, намереваясь отплатить Сы Наню и как следует его унижить. Едва он переступил порог, его глаза, как у маленького бычка, яростно уставились на Сы Наня.

Сы Нань беззастенчиво рассмеялся. Чжао Син пришел в еще больший гнев.

В отличие от него, Чжао Дэ выглядел совершенно спокойным, молча следуя за Чжао Сином, словно происходящее его вовсе не касалось.

Сы Нань приподнял бровь — ого, уровень выдержки высок. Посмотрим, кто будет оплачивать счет, Чжао Дэ или Чжао Син.

В конце концов, каждый гость заслуживает уважения. Если бы они просто поели и спокойно заплатили, Сы Нань обещал бы быть вежливым до самого конца.

Но, как оказалось, некоторым не сиделось спокойно.

Чжун Цзянь, завершив доставку блюд, поспешил вернуться, чтобы поздороваться с остальными, но это привлекло язвительное замечание Чжао Дэ:

- Что, руки пришли в негодность, и ты сам обессилел? Вместо того чтобы заниматься делом, прибежал здесь подхалимничать? Пф, еще бы тебе было не стыдно показываться на людях — на твоём месте я бы давно прыгнул в сухой колодец!

Как только прозвучали эти слова, оживленный ресторан вдруг погрузился в тишину.

Все взгляды обратились к Чжун Цзяню, и многие, хоть и не соглашались с резкостью Чжао Дэ, в глубине души действительно считали, что работа в ресторане несколько унижает достоинство Чжун Цзяня.

Чжун Цзянь побледнел, но, заботясь о спокойствии в ресторане, с трудом сдержал свое раздражение.

А вот Сы Нань не собирался сдерживаться; он с полуулыбкой посмотрел на Чжао Дэ:

- В нашем Кайфэне, где сходятся пять рек, кажется, сухих колодцев и не найти. Даже если бы они были, вряд ли наш доблестный Чжао-ятоу получил бы шанс прыгнуть в них.

Тан Сюань подыграл:

- Почему?

- Потому что у Чжао-ятоу руки целы! — ответил Сы Нань. — Все в округе знают, что Чжао-ятоу мастер не сам выполнять заслуги, а присваивать их: все, что требует труда, выполняют подчиненные, будь то схватка с бандитами или поимка вора. Он бы никогда не рискнул, как брат Чжун, оказаться на передовой, позволяя разбойникам лишить его руки.

Все замерли, вспомнив, как именно Чжун Цзянь потерял руку.

Сы Нань продолжил, с вызовом посмотрев на Чжао Дэ:

- Вам кажется, что рана брата Чжуна — это позор? Но разве он пострадал из-за азартных игр или распутных дел? Ограблений? Контрабанды соли?

Он насмешливо усмехнулся, смотря на Чжао Дэ:

- Любой ребенок на улице знает, что Чжун Цзянь из Имперского столичного управления повредил руку, сражаясь с бандитами Уюдуна. Он пострадал, исполняя императорский приказ и защищая мирных жителей. Он — герой Кайфэна!

Эти слова тронули всех присутствующих, многие почувствовали внутренний стыд за то, что только что мысленно поддержали глупую выходку Чжао Дэ.

Сы Нань не стеснялся навесить на Чжао Дэ ярлык:

- Даже сам император позволил брату Чжуну служить в императорских конюшнях. А вы смеете здесь его оскорблять? Оскорбляете его — значит, оскорбляете героя, оскорбляете императора!

- Я такого не говорил! — быстро возразил Чжао Дэ, повысив голос. — Не смей передергивать, я лишь сказал, что человеку, вышедшему из Имперского столичного управления, стыдно было бы прозябать здесь из-за какой-то мелкой травмы, не служа императору и обосновавшись в маленьком ресторане на побегушках!

Сы Нань приподнял бровь:

- Ах, так я вас неправильно понял? Вы хотите сказать, что из-за «мелкой травмы» брат Чжун был изгнан из Имперского столичного управления и не получил даже шанса служить императору?

Чжао Дэ вскочил:

- Я...

- Вам неловко, — перебил его Сы Нань, подчеркивая каждое слово. — Вы просто презираете раненных воинов, надеясь, что они никогда не поднимутся! Не только брат Чжун, но и другие воины, вернувшиеся с поля боя, с потерянными руками, с оторванными ногами, те, кто при каждой сырой погоде терпит мучительную боль. Разве они не заслуживают найти работу с хорошей платой и честно содержать свои семьи? — продолжил Сы Нань.

- Я такого не говорил! Не наговаривай на меня! — Чжао Дэ покраснел от ярости, но, не зная, как возразить, мог только повторять эти слова.

Все в Имперском столичном управлении понимали, что Чжао Дэ не питал к раненым воинам настоящего презрения, как говорил Сы Нань. Он всего лишь пытался уязвить Чжун Цзяня и заодно подколоть Тан Сюаня. Однако слова Сы Наня достигли их сердец. Теперь всем было ясно, что насмешки Чжао Дэ в адрес Чжун Цзяня были недопустимы, и что работа брата Чжуна в ресторане была делом достойным, а не унижительным.

Ведь далеко не каждый способен забыть о гордости ради семьи. Многие, утратив дух, не смогли бы даже продолжить трудиться.

Сы Нань сменил тон на более трогательный:

- Мы все прекрасно понимаем, что зарплата брата Чжуна в ресторане, вероятно, не сравнима с вашими доходами, но каждый медяк, который он зарабатывает, — это честный, чистый труд. Что здесь постыдного? Я просто спрашиваю, что здесь постыдного?!

Эти простые слова прозвучали твердо и неоспоримо.

Лицо Чжао Дэ посерело, он хотел что-то сказать, но его остановил Чжао Син.

Все погрузились в молчание.

Слова Сы Наня били, словно тяжелый молот, стучавший прямо в сердца. Все они прошли долгий путь, отдавая свои силы и умения, не взирая на холод и зной, чтобы, пройдя множество испытаний, попасть в Имперское столичное управление, став доверенными лицами императора и исполняя самые опасные и секретные поручения.

Но кто может гарантировать, что никогда не будет ранен?

Если это произойдет, должны ли они терпеть унижение за свои раны?

А если посчастливится избежать ран, что будет с их братьями? С теми, кто, защищая мирных жителей, рисковал жизнью?

Достаточно вспомнить армию Тан. Когда-то, если бы не решимость великого генерала Тана и благородная смерть пожертвовавшей собой принцессы, смогли бы они сейчас наслаждаться миром и спокойно сидеть здесь за горячим ужином?

Все они были воинами и знали, сколь труден их путь.

Кто-то с влажными глазами поднялся, поднеся чашку вина Чжун Цзяню.

- Первая чаша — за братство.

Чжун Цзянь изо всех сил старался подавить волнение и махнул рукой:

- По правилам хозяина во время работы пить нельзя.

Сы Нань усмехнулся:

- Сегодня исключение — только одна чаша.

- Брат Чжун, давай хотя бы одну.

- Видишь, сам хозяин разрешил.

Все поднялись и, сдвинув чашки, воздали уважение Чжун Цзяню.

Среди поднимающих тост был и Чжао Син. Чжао Дэ, однако, отказывался присоединиться, пока Чжао Син не одарил его таким злым взглядом, что он с неохотой встал.

- Ну что ж, раз хозяин сам велел, давайте поднимем чашки, — сказал он.

- За братство! — провозгласили они.

Чжун Цзянь высоко поднял свою чашу и выпил залпом, вызвав громкие возгласы одобрения и поддержку.

Они не знали, что в этот момент за пределами ресторана находился император Чжао Чжэнь, который услышал слова Сы Наня до последнего слога.

Хуайшу некоторое время наблюдал за ним, приняв его за обычного гостя, но поскольку тот не входил и молча стоял снаружи, решил подойти:

- Господин, хотите попробовать наш фирменный хого? На верхнем этаже есть свободные места, могу вам подобрать столик.

Чжао Чжэнь, вытирая уголки глаз от слез, с теплотой покачал головой:

- Нет, сегодня не нужно, но обязательно приду в другой день.

- Хорошо, когда захотите, просто дайте знать через ваших людей, и я оставлю для вас лучший столик, — поклонился Хуайшу, сохраняя вежливость, несмотря на отказ гостя войти.

- Как замечательно, — улыбнулся Чжао Чжэнь, разворачиваясь к карете. Сев внутрь, он, казалось, не находил покоя: то одобрительно кивал, то вздыхал, то улыбался, то выглядел задумчивым, с такой выразительностью, что было ясно — он хотел привлечь внимание.

Чжан Маоцзэ*, скрывая улыбку, поинтересовался:

- Ваше Величество, вас что-то тревожит?

Получив ожидаемый отклик, Чжао Чжэнь вздохнул:

- Вот скажи, почему такой способный молодой человек не пожелал идти на государственную службу? Ты ведь проверял — он ведь неплохо учился, хотел поступить на экзамены. Так что же его остановило?

Чжан Маоцзэ поклонился и ответил:

- Мне кажется, у каждого свои стремления. Смотрите, хотя молодой господин Сы сейчас всего лишь управляет небольшим рестораном, его патриотический дух несколько не угас.

Чжао Чжэнь тяжело вздохнул:

- Да, но как хотелось бы, чтобы он служил государству. Могу смело сказать — если бы он пошел на службу, у Сивэня* был бы достойный преемник.

Чжан Маоцзэ лишь улыбнулся, промолчав, хотя и был согласен с этим мнением. В глубине души он даже считал, что Сы Нань, возможно, смог бы добиться еще большего. Фань Чжунъянь был человеком, преданным народу, но слишком прямолинейным, из-за чего многие его прогрессивные начинания наталкивались на сопротивление императорской семьи и некоторых высокопоставленных чиновников. Молодой господин Сы же, обладая гибкостью и умением улаживать отношения, возможно, сумел бы достигнуть большего в таких обстоятельствах.

Колеса кареты скрипели, и внутри повисла тишина.

Вдруг Чжао Чжэнь прервал молчание:

- Ты упоминал, что он пишет стихи?

Чжан Маоцзэ кивнул и достал из рукава свиток. Зная, что государь собирался сегодня посетить ресторан, он предвидел, что тот может задать такой вопрос, и заранее захватил с собой несколько стихов.

Чжао Чжэнь с нетерпением принял свиток, приготовившись читать что-то значительное, но уже после первой строки его улыбка застыла. Чжан Маоцзэ почтительно опустил голову, скрывая легкую усмешку.

Чжао Чжэнь откашлялся и, нахмурившись, произнес:

- Почему здесь только о цветах, ивах, любви и чувствах? Ни одной строки о государстве и народе?

Чжан Маоцзэ склонился в поклоне:

- Это еще не самые «нежные» стихи, какие у него есть.

Чжао Чжэнь невольно поджал губы и, помолчав, заметил:

- Говорят, «стихи отражают душу поэта», но, видимо, это не всегда так.

- Так и есть! — усмехнулся Чжан Маоцзэ. — Вспомните, как Янь-цзюньван мог только сочинить только такие строки, как «Гнется лук да натянута тетива»?

Чжао Чжэнь хмыкнул:

- В таком случае, они действительно пара, созданная на небесах.

Чжан Маоцзэ на мгновение замер: неужели эту фразу можно использовать и так?

* Чжан Маоцзэ (1015-1094) - могущественный евнух в династии Северная Сун.

* Фань Чжунъянь - личное имя Сивэнь (司文), был опытным государственным деятелем, писателем, ученым и реформатором северной династии Сун. на протяжении более двух десятилетий император Жэньцзун назначал Фаня вице-канцлером, чтобы возглавить реформы Цинли.

<http://bllate.org/book/13604/1206370>